

Александр Марлинский

**Полное собрание
сочинений**

Часть 5. Аммалат-бек

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
А46

А46 **Александр Марлинский**
Полное собрание сочинений: Часть 5. Аммалат-бек / Александр Марлинский –
М.: Книга по Требованию, 2022. – 258 с.

ISBN 978-5-518-08632-6

ISBN 978-5-518-08632-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

АММАЛАТЪ - ВЕЖЪ.

Кавказская быль.

• Будь медленъ на обиду — къ мщенью
скоръ! »

Надпись Дагестанскаго кнѣжа.

Г Л А В А I.

Была Джума*.

Близъ Буйнаковъ, обширнаго селенія въ Сѣверномъ Дагестанѣ, Татарская молодежь съѣхалась на скачку и джигестовку, т. е. на ристанье, со всѣми опытами удачества. Буйнаки лежатъ въ два уступа на крутомъ обрывѣ горы. Влѣво отъ дороги, ведущей изъ Дербента къ Таркамъ, возвышается надъ ними

* Джума соотвѣтствуетъ нашей недѣлѣ, т. е. воскресенью. Вотъ имена прочихъ дней магометанской недѣли: шамба (наша суббота), ихшамба (воскресенье), душамба (понедѣльникъ), сешамба (вторникъ), чершамба (среда), иханшамба (четвергъ), джума (пятница).

гребень Кавказа, оперенный лѣсомъ; вправо, берегъ, понижаясь непримѣтно, раскидывается лугомъ, на который плещетъ вѣчно ропотное, какъ само человечество, Каспійское море. Вешній дѣнь клонился къ вечеру и всѣ жители, вызванные свѣжестью воздуха, еще болѣе чѣмъ любопытствомъ, покидали сакли свои и толпами собирались по обѣимъ сторонамъ дороги. Женщины безъ покрываль, въ цвѣтныхъ платкахъ, свернутыхъ чалмою на головѣ, въ длинныхъ шелковыхъ сорочкахъ, стянутыхъ короткими архалухами (тюпика) и въ широкихъ туманахъ *, садились рядами, между тѣмъ, какъ вереницы ребятъ рѣзвились передъ ними. Мужчины, собравшись въ кружки, стоя или сидя на колѣняхъ ** или по-двое и по-трое, прохаживались медленно кругомъ;

* Хотя въ существѣ нѣтъ никакой разницы между мужскими шальварами и женскими туманами (панталонами), но для мужчины будетъ обидно, если вы скажете, что онъ носитъ туманы и на оборотъ.

** Обыкновенный образъ сидѣнья у Азіятцевъ на улицѣ или предъ старшимъ. А потому Н. М. Карамзинъ очень ошибся, переводя слова Волынскаго лѣтописца: Злѣ тѣ Романе, на колѣняхъ предъ ханомъ сѣдиши; — худо тебѣ, Романъ, на колѣняхъ стоиши передъ ханомъ. Конечно сидѣть на корточкахъ было не вѣсело для Галицкаго князя, но не такъ унижительно, какъ думаетъ историкъ.

старикки курили табакъ изъ маленькихъ деревянныхъ трубокъ; веселый говоръ разносился кругомъ и порой возвышался надъ нимъ звонъ подковъ и крикъ: *кагъ, кагъ!* (посторопись) отъ всадниковъ, приготовляющихся къ скачкѣ.

Дагестанская природа прелестна въ маѣ мѣсяцѣ. Милліоны розъ обливаютъ утесы румянцемъ своимъ, подобно зарѣ; воздухъ струится ихъ ароматомъ; соловьи не умолкаютъ въ зеленыхъ сумеркахъ рощи. Миндальные деревья, точно куполы пагодовъ, стоятъ въ серебрѣ цвѣтовъ своихъ, и между нихъ высокія раины, то увитыя листьями, какъ винтомъ, то возникая стройными столпами, кажутся Мусульманскими минаретами. Широкоплечіе дубы, словно старые ратники, стоятъ на часахъ тамъ, индѣ, между тѣмъ какъ тополи и чинары, собравшись купами и окруженные кустарниками, какъ дѣтьми, кажется, готовы откочевать въ гору, убѣгая отъ лѣтнихъ жаровъ. Игривыя стада барановъ, испещренныхъ розовыми пятнами; буйволы, упрямо погрязающіе въ болотѣ при фонтанакъ, или по цѣлымъ часамъ лѣжливо бодающіе другъ другъ рогами; да тамъ и сямъ по горѣ статные кони, которые разбросавъ на вѣтеръ гриву, гордой рысью бѣгаютъ по холмамъ — вотъ рамы каждого Мусульманскаго селенія. Можно себѣ во-

образить, что въ день этой джумы, окрестности Буйнаковъ еще болѣе оживлены были живописною пестротою народа. Солнце лило свое золото на мрачныя стѣны саклей съ плоскими кровлями, и облекая ихъ въ разнообразныя тѣни, придавало имъ пріятную наружность . . . Вдали, тянулись въ гору, скрипучія арбы, мелькая между могильными камнями кладбища . . . предъ ними несея всадникъ, взвѣвая пыль по дорогѣ . . . Горный хребетъ и безграничное море придавали всей картинѣ величіе, вся природа дышала теплою жизнью.

— Ёдетъ, ёдетъ! раздалось изъ толпы — и всеъ зашевелились.

Всадники, которые доселѣ разговаривали съ знакомыми, ступивъ на землю, или нестройно развѣзжали въ полѣ, вскочили на коней и понеслись на встрѣчу поѣзда, спускающагося съ горы: то былъ Аммалатъ-Бекъ, племянникъ Тарковского шамхала * со своею свитою. Онъ былъ одѣтъ въ черную Пер-

* Первые шамхалы были родственники и наместники халифовъ Дамасскихъ. Последній шамхалъ умеръ, возвращаясь изъ Россіи, и съ нимъ кончилось это бесполезное достоинство. Сынъ его, Сулейманъ-Паша, владѣеть наслѣдствомъ просто, какъ частнымъ имѣніемъ.

сидскую чуху, обложенную галунами; всячiе рукава закидывались за плеча. Турецкая шаль обвивала подъ исподомъ надѣтый арха-лухъ изъ букетовой термаламы. Красныя шаль-нары скрывались въ верховые желтые сапоги съ высокими каблуками. Ружье, кинжалъ и пистолеть его блистали серебромъ и золотомъ насѣчкою. Ручка сабли осыпана была доро-гими каменьями. Сей владѣтель Тарковъ былъ высокiй, статный юноша, открытаго лица; черныя *зильбляры* (кудри) вились за ухомъ изъ-подъ шапки . . . легкiе усы отъняли верх-нюю губу . . . очи сверкали гордою при-вѣтливостiю. Онъ сидѣлъ на червономъ ко-нѣ, и тотъ крутился подъ нимъ, какъ вихорь. Противъ обыкновенiя, не было на конѣ Пер-сидскаго, круглago, расшитаго шелками че-прака, но легкое Черкесское сѣдло съ сере-бромъ подъ чернедью, съ расписанными по-тебнями, и со стременами чернаго Хорсан-скаго булата подъ золотою насѣчкою. Двад-цать нукеровъ * на лихихъ скакунахъ, въ чу-хахъ, блестящихъ галунами, сдвинувъ шап-

* Нукеръ, общее имя для прислужниковъ; но собст-венно это то же самое, что у древнихъ Шотландцевъ *Neuchman* (прибедренникъ). Онъ всегда и вездѣ на-ходится при господинѣ, служитъ ему за столомъ, рѣ-жетъ и рветъ руками жаркое, и такъ далѣе.

ки на бекрень, скакали, избочась, сзадв. Народъ почтительно вставалъ передъ своимъ бекомъ и склонялся, прижимая правую руку къ правому колѣну. Ропотъ и шопотъ одобренія разливался вслѣдъ ему между женщинъ.

Подъѣхавъ къ южному концу ристалища, Аммалать остановился. Почетные люди, старики, опираясь на палки, и старшины Буйнаковъ обстали его кругомъ, стараясь вызвать на себя привѣтливое слово бека, но Аммалать ни на кого не обращалъ особеннаго вниманія и съ холодною учтивостью отвѣчалъ односложными словами на лести и поклоны своихъ подручниковъ. Онъ махнулъ рукой: это былъ знакъ начинать скачку.

Безъ очереди, безъ всякаго порядка кинулись впередъ двадцать самыхъ горячихъ ѣздоковъ скакать взадъ и впередъ, гарцуя, перегопя другъ друга. То перерѣзывали они другъ другу дорогу и вдругъ сдерживали коней, то вновь пускали ихъ во всю прыть съ жѣста. Послѣ этого всѣ взяли меньшія палки, называемыя джирдами, и начали на скаку метать въ слѣдъ и встрѣчу противниковъ, то ловя ихъ на лету, то подхватывая съ земли. Иные падали долой изъ сѣла отъ сильныхъ ударовъ, и тогда раздавался громкій смѣхъ зрителей побѣжденному, громкіе клики

привѣта побѣдителю, иногда кони спотыкались и всадники перѣдко падали черезъ голову, выброшенные двойною силою короткихъ стремень. Затѣмъ началась стрѣльба.

Аммалать-Бекъ все это время стоялъ поодаль, любуясь. Нукеры его, одинъ по одному, вѣшивались въ толпу джигитующихъ, такъ что подь конецъ при немъ осталось только двое. Сначала онъ стоялъ неподвиженъ, и равнодушнымъ взоромъ слѣдилъ подобіе Азіатской битвы, но мало по малу участіе стало разыгрываться въ немъ сильнѣе и сильнѣе... Онъ уже съ большимъ вниманіемъ смотрѣлъ на удалцевъ — сталъ ободрять ихъ голосомъ и движеніемъ руки, вставать выше на стременихъ и наконецъ наѣздническая кровь закипѣла въ немъ, когда любимый его нукеръ не попалъ, на всемъ скаку, въ брошенную передъ нимъ шапку; онъ выхватилъ у своего оруженосца ружье и стрѣлой полетѣлъ впередъ, увиваясь между стрѣлками.

— Раздайся, раздайся! послышалось кругомъ, и все какъ дождь рассыпалось по сторонамъ, давъ мѣсто Аммалать-Беку.

На разстояніи одной версты стояло десять шестовъ съ повѣшанными на нихъ шапками. Аммалать проскакалъ въ одинъ конецъ, крутя ружье надъ головою; но едва миновалъ край-

ній столбъ смѣлымъ поворотомъ, онъ всталъ на стременахъ, приложился назадъ — нафъ; — и шапка упала на земь; не умѣряя бѣга, онъ зарядилъ ружье, съ брошенными поводами — сбиль шапку съ другаго, съ третьяго — и такъ со всѣхъ десяти . . . Говоръ похвалъ раздался со всѣхъ сторонъ, но Аммалать, не останавливаясь, бросилъ ружье въ руку нукера, выхватилъ изъ-за пояса пистолеть, и выстрѣломъ изъ него отбилъ подкову съ задней ноги своего скакуна; подкова взвилась и свистя, упала далеко назадъ; тогда онъ снова подхватилъ заряженное нукеромъ ружье, и велѣлъ ему скакать передъ собою . . .

Быстрѣ мысли понеслись оба.

На полдорогѣ нукеръ вынулъ изъ кармана серебряный рубль и высоко взбросилъ его на воздухъ; Аммалать приложился вверхъ, не ожидая паденія, но въ то же самое мгновеніе конь его споткнулся со всѣхъ четырехъ ногъ, и, бороздя пыль мордою, покатилоя впередъ съ размаха. Всѣ ахнули — но ловкій всадникъ, стоявшій стоймя на стрѣменахъ, не тряхнулся, не подался впередъ, какъ будто не слышалъ паденія — выстрѣлъ сверкнулъ, и вслѣдъ за выстрѣломъ серебряный рубль улетѣлъ далеко въ народъ. Толпа заревѣла отъ удовольствія. — Игидъ! игидъ (удалець) — Алла, Вал-

ла-га! Но Аммалать-Бекъ скромно отъѣхалъ въ сторону, сошелъ съ коня, и бросивъ поводъ въ руки джиладара, т. е. конюшаго, велѣлъ сей же часъ подковать коня.

Скачка и стрѣльба продолжались.

Въ это время подъѣхалъ къ Аммалату эмджекъ его*, Сафиръ-Али, сынъ одного изъ небогатыхъ бековъ Буйнакскихъ, молодой человекъ, пріятной наружности и простаго, веселаго нрава. Онъ выросъ вмѣстѣ съ Аммалатомъ, и потому очень коротко обходился съ нимъ. Онъ спрыгнулъ съ коня, и кивнувъ головою, сказалъ:

— Нукеръ Меметь-Расуль измучилъ твоего старика безгриваго жеребца**, заставляетъ его скакать черезъ ровъ, ширинною шаговъ семи.

— И онъ не прыгаетъ? вскричалъ нетерпѣливый Аммалать. Сей часъ, сей же мигъ привести его ко мнѣ!

* Эмджекъ — грудной, молочный братъ; отъ слова: эмджекъ — сосецъ. У Кавказскихъ народовъ это родство священнѣе природнаго; за своего эмджека каждый положить голову. Матери стараются заранѣ связать тавишъ узломъ надежныя семьѣ. Мальчика приносятъ къ чужой матери, та кормитъ его грудью — и обрядъ конченъ — и неразрывное братство начато.

** Славная въ Персіи порода Трухменскихъ лошадей, называемая теке.